

DOI: 10.46725/IW.2021.1.6

Е. А. Игнатьева, М. Ю. Шматов

**ОБРАЗЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В СССР В ЗАРУБЕЖНОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЕ
(1929 — конец 1930-х гг.)**

Введение

Актуальность. Советский Союз примерно в двадцатилетний исторический период, именуемый межвоенным или раннесоветским, прошёл череду масштабных трансформаций, носивших во всех сферах жизни страны мобилизационный, форсированный характер, зачастую казавшийся современникам беспрецедентным. Экономическая модель, социальная структура и политическая система России / СССР изменялись до неузнаваемости в сравнении с дореволюционной ситуацией. При этом в зарубежной эмиграции по окончании периода войн и революций конца 1910-х — начала 1920-х гг. оказались, по разным подсчётам, от 1,4 до 5—7 миллионов русскоязычных людей¹. В их числе были десятки тысяч интеллигентов, многие из которых имели опыт политической, общественной или культурно-просветительской деятельности на Родине. Физическая изоляция от России не означала

© Игнатьева Е. А., Шматов М. Ю., 2021

Игнатьева Евгения Андреевна, магистрант 2 курса Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет jane.rose.gnr@yandex.ru (2nd year Master's student of the Humanities Institute, Novosibirsk State University).

Шматов Михаил Юрьевич — магистр истории, ассистент кафедры отечественной истории, Новосибирский государственный университет, shmatov2009@yandex.ru (Master of History, Assistant of the Department of Russian History, Novosibirsk State University).

информационного, мировоззренческого и культурного разрыва этих людей со своей страной: будучи социально и интеллектуально активными, они не только интересовались происходящим в ставшей Советской России, но и не оставляли надежд на собственное, пусть и опосредованное, участие в судьбе страны.

Одним из ключевых средств массовой коммуникации первой половины XX века была периодическая печать. Несмотря на распространение кино, признававшегося большевистским руководством важнейшим из искусств, а также радио, а затем и телевизионного вещания, пресса сохраняла ведущие позиции в трансляции информации и в формировании массового когнитивно-мировоззренческого пространства². В рамках социально-политических систем XX века периодика была институтом информирования, управления общественным (коллективным) мнением и во многом — власти³; кроме того, она играла роль инструмента конструирования социальной реальности — мировоззренческих симулякров⁴, которые зачастую влияли на поведение индивидов и групп гораздо сильнее, чем реальная картина вещей (особенно трудноуловимая в условиях усиливавшейся с конца 1920-х гг. информационной и пространственной автаркии советской системы).

В то же время идеократический характер большевистской политической системы требовал создания благоприятного имиджа Советского государства, в том числе в глазах иностранной общественности и сохранявших политическую активность эмигрантов. Это было необходимо как для расширения зарубежной социальной базы советской идеолого-пропагандистской политики, так и для решения задач по созданию системы коллективной безопасности в 1930-х гг. и по «расколу» эмиграции с формированием в её рядах активных групп, лояльных или, по крайней мере, не враждебных Советскому Союзу.

По вышеуказанным причинам изучение позиции русскоязычных политически активных эмигрантов из числа интеллигенции разной корпоративной принадлежности (журналисты, историки, социологи, политики, военные) важно для понимания характера взаимоотношений в социально-политическом «треугольнике»: партийное государство — эмиграция — группы населения СССР. Кроме того, целесообразно исследовать образы основных политических событий в межвоенном, постнэповском

СССР («Великий перелом» 1929 — начала 1930-х гг., конституционные и электоральные трансформации 1936—1938 гг.), сформировавшиеся в глазах «пишущей» эмиграции, которая, в свою очередь, транслировала эти образы на свои целевые аудитории (от социалистических до националистических эмигрантских кругов). Эти проблемы актуальны в рамках дискуссии среди историков об истоках и причинах социальной поддержки сталинизма и оппозиции ему как в СССР, так и в эмигрантских кругах.

Постановка вопроса. Цель исследования — установить взаимосвязь мировоззренческих конструктов относительно «реформ» в сталинском СССР и индивидуальных и социальных характеристик авторов этих конструктов. Наша задача — установить информационные, организационные и мировоззренческие особенности существования эмигрантской прессы и авторов «Русского Зарубежья», выявить и проанализировать круг источников, содержащихся в прессе разной тематической и идеологической направленности.

Объект и предмет исследования. Пресса как социально-политический институт, инструмент общественных практик и носитель поливариантных исторических источников (от законодательных до публицистических и рекламных)⁵ — объект нашего исследования.

Предметом исследования являются оценки авторами публикаций характера и природы советского проекта с позиций реализации в нём близких и симпатичных авторам-эмигрантам черт и принципов: социалистических, либеральных, консервативных, национально-реформистских.

Хронологические рамки. Хронологически анализ охватывает период второй половины 1929 г. и весь 1930 г. как своеобразный «эпицентр» первой пятилетки, включивший в себя обнаружившиеся проблемы и противоречия политики «сверхиндустриализации», начавшейся кампании «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулачества как класса». Особое внимание уделяется XVI съезду партии, летом 1930 г., на котором большевистским руководством обсуждалась практика реализации первых шагов чрезвычайной политики «Великого перелома».

Источниковедческий обзор. Изучение взглядов левого эмигрантского спектра на данные события осуществляется по материалам издания «Социалистический вестник». Кроме того, изучается

период массовых политических кампаний 1936—1938 гг., когда в СССР после «всенародного обсуждения» была принята «сталинская» Конституция 1936 г., а также осуществлены выборы в Верховные советы СССР (1937 г.) и союзных республик, включая РСФСР (1938 г.) Применительно к этому периоду изучены взгляды авторов из более «правых» и оппозиционных большевикам изданий: «Возрождение», «Голос России» и «Младоросское слово». Выбор данных событийных «узлов» обусловлен их взаимосвязью: «Великий Перелом» означал начальную экстремальную фазу становления сталинского режима, тогда как кампании 1936—1938 гг. были связаны с приданием режиму необходимой ему правовой легитимации.

Методология и методы исследования. Макроуровень исследования базируется на теории модерна и теории массового общества. «Сегодня весь мир стал массой» — утверждает Хосе Ортега-и-Гассет⁶, описывая приход масс в авангард всех сфер жизни общества. Модернизация, приведшая к демократизации, урбанизации, росту грамотности, разрушению традиционных и устойчивых социальных связей, сделала массовое общество реальностью с присущей этому спецификой для различных стран. Такой же реальностью стали и инструменты для формирования массового воздействия — в нашем исследовании таким инструментом является пресса.

О роли пропаганды в массовом обществе на примере СССР пишет Дэвид Хоффман. Российские социал-демократы (еще до разделения на меньшевистскую и большевистскую фракции) уделяли пропаганде и политическому просвещению особое внимание. Пресса являлась инструментом не только идеологического воздействия, но и важным инструментом просвещения и социализации⁷. Очевидно, что и меньшевистскую периодику можно оценивать как инструмент массовой мобилизации, равно как и прессу других политических групп и ориентаций.

На мезоуровне использована теория деконструкции французского философа и социолингвиста по имени Ж. Деррида⁸. Применяя данную теорию к практическому историческому исследованию, можно выявить возможные противоречивые утверждения между логическим и риторическим содержанием текста, степень взаимосвязи языка и смыслового наполнения. Такой

подход позволяет сместить фокус с «открытого» содержания, передаваемого в тексте, на посредника, которым служит язык.

Работа с корпусом источников, состоящем из документов и материалов теоретического, публицистического и событийного, фактологического характера потребовала комплекса приемов, нацеленных на изучение различных сторон содержания публикуемых в издании текстов. На микроуровне исследования задействованы социолингвистические методы контент-, дискурс- и интент-анализа, которые позволяют выявить язык, структуру публицистических источников, их тематику и приоритеты, а также цели и намерения редакции и авторов (скрытые или явные). Объем источников и инструментарий работы с ними позволяет установить не только содержание, но и идейные установки периодики, а также причины их исторического бытования.

Основная часть

Большевистский «социализм» глазами социалистов: «левое крыло» эмиграции о «Великом переломе»

Повестка сталинской «революции сверху» являлась актуальной для всей эмигрантской периодики. Поскольку сутью преобразований объявлялся именно «социалистический» характер, то данное обстоятельство приковывало к себе особое внимание российской социалистической оппозиции за рубежом. Восприятию процессов и событий в СССР отводилось центральное место редакцией журнала «Социалистический вестник», выходившего два раза в месяц в течение 1921—1965 гг. первоначально в Берлине, затем в Париже (с 1933 г.) и Нью-Йорке (с 1940 г.) — центрального органа заграничной делегации Российской социал-демократической рабочей партии.

В ходе работы с текстами издания отмечена высокая степень его информационного потенциала и высокий профессионализм его корреспондентов — не зря «Социалистический вестник» называют «методологическим фундаментом науки, которую позднее станут именовать «советологией»⁹. «Социалистический вестник» представлял взгляды левой фракции русской социал-демократии и являлся ее идейным и организационным руководителем.

Двухнедельная периодичность выпуска журнала позволяла совмещать в нем оперативную, текущую и аналитическую, оценочную рефлексию, что являлось «узким» местом в газетных изданиях. Главным редактором после смерти Л. Мартова являлся Федор Дан (Федор Ильич Гурвич), а его постоянные корреспонденты — талантливые теоретики и публицисты, бывшие революционеры, подпольщики — Давид Далин (Давид Юльевич Левин), Вера Александрова (Вера Александровна Шварц), Ольга Осиповна (Иосифовна) Доманевская, Арон Аронович Югов, Соломон Мейерович Шварц (Моносзон), Петр Абрамович Гарви (Бронштейн), Александр Михайлович Шифрин, Борис Львович Двинов (Гуревич), Марк Самойлович Кефали (Камермахер), Семен Юльевич Волин (Левин).

Контент издания выглядит следующим образом: передовая статья, за ней — ряд статей штатных корреспондентов теоретического или практико-аналитического характера, далее, с нерегулярной периодичностью, фельетоны, за ними — аналитическая корреспонденция из зарубежья и России. В ходе исследования были проанализированы статьи практико-аналитического (38 % от выборки) и теоретического характера (42 %), а также аналитическая корреспонденция — «письма из России» (20 %), которые затрагивали проблему реализации «Социалистических преобразований» и, главное, следствия последних. Авторы «писем из России» по понятным причинам нам неизвестны — 100 % аналитической корреспонденции анонимны. Для статей этот процент значительно ниже — 35 %.

Корреспонденты оперативно реагировали на любые изменения в «генеральной линии» партии, тщательно собирая фактический материал из доступных для эмиграции советских периодических и непериодических изданий, следя и за таким информационным ресурсом, как материалы и публикации западных корреспондентов, аккредитованных в Москве и передававших информацию в свои газеты по современным в то время средствам связи. Благодаря получению сведений из нескольких, как правило, альтернативных источников информации, используя также и свои контакты с сотрудниками советских учреждений за рубежом, авторы публикаций «Соцвестника» демонстрируют профессиональный уровень осведомленности о происходящих

процессах внутри СССР. Они умеют находить необходимые для интерпретации цифры и умеют дешифровать ключевые высказывания и оговорки (тезисы партийцев и чиновников, противоречащие по своему смыслу риторике первых лиц государства) представителей советской власти в публичном поле. Первый корпус источников авторов — официальная пресса («Правда», «Известия», «Труд», «За индустриализацию», «Экономическая жизнь» и пр.) Вторым корпусом источников являются «письма из России» от внутренних корреспондентов — судя по подписям, заголовкам и содержанию публикаций в «Социалистическом вестнике», этот журнал имел конспиративную сеть тайных корреспондентов на российской территории.

Дискурс-анализ свидетельствует о профессиональном умении корреспондентов «Соцвестника» «читать» язык власти — советский «новояз» (сами они его называют «лживо-дипломатическим языком»). Так, в текстах появляются «государственные имена» (колхозы¹⁰), «ублюдочные организации» (профсоюзы после их разгрома¹¹), «бесправные пролетарии на заре капитализма» (колхозники) и т. д. Безусловно, такая терминология свидетельствует о высокой степени политической пристрастности авторов, но в то же время отражает практику перевода понятий партийного агитпропа в плоскость, более приближенную к реальности.

Язык меньшевиков приобретает отточенную форму там, где с позиций марксистской (небольшевистской) теории анализировались постулаты программы «социалистического строительства в СССР». Если И. В. Сталин конструировал идею построения «социализма в отдельно взятой стране», то меньшевики в ответ «рисовали» образ общества не всеобщего равенства, а сословного по своему устройству¹². Безусловно, ни о какой классической «сословности» в постреволюционном обществе, где представители всех социальных групп находились в состоянии высокой социальной мобильности в восходящих и нисходящих формах и не были застрахованы от репрессий, не могло быть речи. Прекрасно это понимали и меньшевики — такого рода упрощенным дискурсом они раскрывали истинный характер большевистского «социализма», где равенство граждан заключалось лишь в нивелировании их зависимости от государства.

Корреспондентов отличает профессиональный научный анализ кампаний «социалистических преобразований» различного уровня. Преобладает критический (даже обвинительный) разбор процессов в советской экономике, социальной структуре, идеологии, культуре, системе власти. Рассмотрим образец аналитики корреспондентов «Социалистического вестника» на примере статьи О. Доманевской в выпуске № 14 1930 г. «Судьбы коллективизации»¹³. В первую очередь, автор опровергает позиции представителей власти и советскую статистику, обнаруживаемые в публичном поле. Так, на аргумент «Сталина и Ко» об «успехах коллективизации» О. Доманевская возражает, что эпоха «колхозного либерализма» доказала, что «пресс принуждения <...> был решающим фактором» вопреки убеждениям первых лиц о «добровольности» коллективизации. Также автор раскритиковала «нерешительное и половинчатое отступление» партии в марте — апреле 1930 г. и указала на противоречие такой политики Центра интересам местной власти.

Политические аргументы сменяются экономическими: Доманевская доказывает, что «сплошная коллективизация» привела к «ухудшению материальной базы в деревне». Рассыпается в прах аргумент большевиков и об увеличении посевной площади. Доманевская отмечает, что авторы такой статистики «забыли» о других факторах, свидетельствующих о «социальном перемещении земли», а не «об освоении новых участков». Опровергает она и тезис коммунистов о том, что «успехи коллективизации» обеспечены «простым сложением обычных орудий производства крестьянских хозяйств и обобществленного скота» — ведь в первую очередь «рассыпались те колхозы, которые были созданы в районах с низким машинным обеспечением».

Самыми важными, на наш взгляд, являются те аргументы, которые лежат в социальной плоскости и для поверхностного анализа не очевидны. О. Доманевская отмечает обреченность колхозной практики на провал. С одной стороны, внутри самого колхоза проходит «водораздел между бедняцкими элементами и середняком», что на практике означает конфликты при делении урожая и учете имущества. С другой стороны, она отмечает противоречие между «интересами колхозника и государства» — советское правительство по-прежнему стремиться «выкачать все

излишки из деревни». Меншевики, имея в своем распоряжении ограниченный набор источников, ставили «верный диагноз» ходу «социалистических преобразований».

План «социалистических преобразований» представлялся социал-демократам, стоящим выше экономических и политических законов, противоречащим существующим условиям и совершенно оторванным от реальности. Образ «сталинской модернизации» приобретал характер «социалистического самоистязания», а создатели плана «преобразований» являлись «главными вредителями пятилетки»¹⁴.

Характеристика и динамика интенций свидетельствует о том, что меньшевики не выступают как прямые противники, угрожающие большевистскому режиму. Разбирая контекст журнальных публикаций, мы видим, что источником угрозы для власти являются различные акторы внутри страны. Это, прежде всего, большевики, реализующие катастрофические и волюнтаристские преобразования в стране; далее, это жертвы «преобразований» — сопротивляющееся крестьянство, недовольные рабочие, затаившаяся антибольшевистская оппозиция (последнюю меньшевики не списывали со счетов даже после ее разгрома). С точки зрения меньшевиков, уже сами по себе «социалистические преобразования» являлись главной угрозой здравому смыслу, советскому обществу и, в конечном счете, самой «коммунистической диктатуре».

Здесь необходимо отметить основной диссонанс и противоречивость позиций эмигрантской социал-демократии в отношении большевистского режима. Они были последовательными сторонниками марксистской теории о том, что социализм, как новая ступень общественного прогресса, должен появиться путем вызревания необходимых объективных и субъективных предпосылок на базе капиталистической формации. Поэтому они считали, что революция в России привела к формированию новой диктатуры, не имевшей ничего общего с социализмом ни в экономике, ни в политике, ни в других сферах. Меншевики не отождествляли себя с крайне реакционными течениями зарубежной эмиграции. Оставляя за большевиками право на «социалистический эксперимент», они выступали с позиций критики порочности ее осуществления и выявления наиболее вопиющих

сторон и деструктивных последствий сталинской политики, то есть с позиций морального и политического ее осуждения.

Корреспонденты «Соцвестника» точно подмечали рост социальной напряженности и конфликтности в советском социуме с осени 1929 г.: потерю властью контроля «на местах», радикализацию отношений по линии «власть — общество» и внутри последнего катастрофическое снижение уровня жизни. Меншевики фиксировали такие составляющие социальной напряженности в обществе, как рост уровня насилия, тревоги, апатии, пассивности, «забитость масс». Отметили они важнейший иррациональный мотив поведения, ставший реальным фактором общественных отношений — социальный (или социализированный) страх, управляющий поведением не только одного человека, но групп людей.

Интенция «противостояние» интересна и тем, как оно рефлексировалось в меньшевистской прессе: противостояние «всех против всех» осознавалось как всеобъемлющая характеристика текущего развития событий в СССР. Противостояние внутри самого социума, противостояние между обществом и властью, противостояние между различными течениями в правящей партии, противостояние СССР остальному миру. Меншевики, находясь в эмиграции, чутко уловили одну из составляющих характеристик «большевистской диктатуры» — конфронтацию как имманентную черту и способ существования формирующегося сталинского режима.

Анализ меньшевиками политических процессов в СССР отличался противоречивостью: уловив основную тенденцию в нарастании кризисных явлений и осуществлении большевиками конфликтной консолидации масс вокруг правящей партии («СССР как осажденная крепость») и поставив правильный политический диагноз, они терялись в прогнозах. В частности, констатируя регулярность возникновения т. н. перегибов и принцип перекладывания ответственности с Центра на места, меньшевики приходят к выводам о том, что урок, полученный рядовыми партийцами, «не пройдет бесследно и станет одним из рычагов, расшатывающих коммунистическую диктатуру»¹⁵. Между тем в реальности методы широкомасштабных «чисток», дискриминаций и репрессий не только не подрывали сталинский режим, но и становились неотъемлемой чертой его укрепления и воспроизводства.

Меньшевики при всех своих внутренних спорах и разногласиях оставались на марксистской платформе: они — защитники пролетариата, ведь с их точки зрения рабочий класс «естественно демократичен», и именно он является «истинным революционером». Интеллигент, скорее, конформист, склонный к соглашению с властью. С крестьянством у социал-демократов отношения еще сложнее: с одной стороны, они признают «крестьянскую» Россию, с ее потребностями, укладом и характером. С другой — они не верят в наличие демократических ценностей у крестьянства, обвиняют последних в наличии «собственнических взглядов» и оценивают «политическую физиономию» сельского населения как достаточно противоречивую. «Кулак» с точки зрения меньшевиков — неотъемлемое «зло», а индивидуальное хозяйство «движется лишь на эгоизме и погоне за выгодой». Социалисты, претендуя на истинный путь построения социалистического общества, оказывались в той же «западне» классового подхода, что и большевики. Поэтому качественный критический анализ «социалистических преобразований» с экономической точки зрения приводил к ошибочным прогнозам в политическом поле.

Сосредоточив потенциал своих сил на критике кампаний большевиков, выявляя в них «узкие» места и явные противоречия, меньшевики оказывались теми самыми оппонентами, выгодными для сталинского руководства, поскольку указывали на уязвимости коммунистической системы. Это наталкивает на размышления о целевой аудитории «Совестника»: очевидно, что материалы журнала были востребованы и интересны не только эмигрантской среде, но и большевикам. Таким образом, мы можем оценивать журнал как один из инструментов интеллектуального критического влияния на политику ВКП(б).

В ходе исследования был установлен приоритетный интерес корреспондентов «Совестника» к «социалистическим преобразованиям» СССР, их экономической составляющей и социально-политическим последствиями. Главной тенденцией в восприятии «социалистических преобразований» в СССР являлось преобладание критико-обвинительного тона. Установлен факт отсутствия позиционирования меньшевиками себя как реальной оппозиции. Обозначена дискуссия авторов по поводу различных оценок сталинской модернизации России. Последняя завершится в 1932 г.,

сформировав три взгляда российской социал-демократии на судьбу посткоммунистической России.

Левый фланг был представлен О. Доманевской, считавшей, что демократическая надстройка над созданным большевиками базисом позволит России стать страной социализма. Центристские позиции в дискуссии занимали Ф. И. Дан, А. Югов и Б. Гуревич. Постбольшевистскую Россию они видели страной со смешанной экономикой, при преобладающей роли государственного и кооперативного секторов. Представители центристов были уверены, что возврат к частнокапиталистической модели в постбольшевистской России не произойдет. Оппонентами Ф. И. Дана, А. Югова, Б. Гуревича в развернувшейся дискуссии выступили Р. Абрамович, Д. Далин, П. Гарви и Г. Аронсон. Они, в принципе, признали факт глобальности перемен, осуществленных сталинским режимом, однако оценили их как шаг назад, как регресс в развитии российского общества¹⁶.

«Кого в России может это ввести в заблуждение...»: советский конституционализм в калейдоскопе идей эмигрантов

Во второй половине 1930-х гг. большевистское руководство СССР осуществило ряд общегосударственных политических кампаний, ядром которых стало «всенародное обсуждение» конституционного проекта, утвержденного на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов СССР в декабре 1936 г. В 1937—1938 гг. на основании положений новой Конституции в условиях показательных Московских судебных процессов и потрясений Большого террора были проведены выборы в Верховные советы СССР, РСФСР, а также других союзных республик. Причины, сущность и результаты этих массовых политических акций до сих пор являются предметом дискуссий историков: исследователи «тоталитарной школы» полагают, что эти кампании были лишь средством сопровождения террора¹⁷; «ревизионисты» же считают, что создавая иллюзии демократизации строя, И. В. Сталин расширял социальную базу своего режима как в СССР, так и за его пределами, улучшал «общественное мнение» о себе и своих сподвижниках¹⁸. Один из крупнейших исследователей политической природы сталинизма О. В. Хлевнюк считает цель

усиления международного престижа СССР решающей в ходе конституционно-электоральных кампаний¹⁹.

Безусловно, внешне масштабные изменения в политико-правовой системе СССР не могли не вызвать отклика в зарубежной прессе. Позитивные отзывы о конституционной реформе в первые дни «всенародного обсуждения» летом 1936 г. буквально смаковала официальная советская печать²⁰. Позиция эмигрантов оказалась более осторожной: наиболее негативно о политических трансформациях высказывались главный редактор и журналисты еженедельной «общественно-национальной» газеты «Голос России».

Издаваемая под эгидой Ивана Лукьяновича Солоневича — консервативно настроенного сторонника введения в России «народной монархии», бежавшего за границу из лагерей системы Беломорско-Балтийского комбината, эта газета резко критиковала любые действия большевиков, считая их «маскарадом». В редакционной статье «Новая конституция» причинами такого «маскарада» И. Л. Солоневич называет «страх перед войной» и «желание подобрать к себе всех мало-мальски мыслимых союзников и у себя дома, и за границей, по мере возможности нейтрализовать своих противников»²¹. Своими выводами И. Солоневич демонстрирует высокий аналитический потенциал. Современные историки разделяют его точку зрения о конституционной кампании как о средстве поиска союзников среди западноевропейских и североамериканских демократических государств на фоне развития экспансионизма Германии Японии и Италии в разных регионах планеты²².

Солоневич, обладавший большим опытом общественной активности в СССР, в том числе, во взаимодействии с партийным государством, проявляет себя и как аналитик внутренней ситуации в стране. Детально анализируя положения проекта Конституции об экономических свободах, праве сепарации республик СССР, гражданских правах, публицист совершенно справедливо констатирует невозможность применения этих положений на практике при сохранении существующего строя: демократизация явно подорвёт монополию большевиков на власть, чего те, конечно, не допустят. В возможность реальных реформ, по мнению автора, не верит и сам русский народ: «кого в России может это ввести в заблуждение...»²³.

Авторы «Голоса России» — И. Л. Солоневич, В. М. Левитский и др. — хорошо осведомлены о событиях в СССР. В качестве источников информации они используют как советскую официальную прессу (газеты «Правда», «Известия», «Вечерняя Москва» — что свидетельствует о доступности советской прессы в авторитарных странах Европы — в частности, «Голос России» издавался в Болгарии), так и многочисленные свидетельства западных писателей (Л. Фейхтвангера, посетившего СССР и написавшего об этом книгу) и общественных деятелей²⁴. Особое место занимают письма «корреспондентов из России». Контент-анализ массива этих материалов (а их в конце 1930-х гг. в газете было опубликовано более 50-ти) показывает, что большинство писем отправлены интеллигентами: учеными, инженерами, медиками — преимущественно из Москвы, а также из Сибири и Украинской ССР²⁵. Однако огромный по объему, растянутый на несколько номеров материал посвящен рассказу бывшего заключенного-крестьянина, бежавшего за границу из лагеря на строительство Байкало-Амурской магистрали²⁶.

Дискурс-анализ материалов таких источников позволяет выделить две информационно-мировоззренческие тенденции: сочувствие к «народу» и осуждение «интеллигенции», по разным причинам поддерживающей большевиков: «Леон Фейхтванглер — из грамотных людей, не активист из советского колхоза, так что об «истории человечества» он некоторое представление, вероятно, имеет»²⁷. Критике за «соучастие в трестах» (то есть в информационных операциях советских спецслужб) подвергаются не только советские и западные интеллектуалы, но и эмигранты противоположных — «сменовеховских» взглядов, выступавшие за сотрудничество с ВКП(б) в деле реформирования России. Несколько номеров на 20—30 % посвящены шельмованию «младороссов», также допускавших сотрудничество с большевиками²⁸.

Дискуссионна степень достоверности подобных материалов: в условиях 1930-х гг. закрытость советского социума была на одном из самых высоких уровней в истории. При этом, сами журналисты заявляли, что получали материалы от советских моряков торгового флота и специалистов, проходивших стажировку за рубежом²⁹. Интент-анализ такого рода материалов позволяет сделать вывод: не важно, действительно ли у эмигрантской прессы существовала сеть информаторов в СССР (хотя обвинения в такой

деятельности нередко стоили жизни советским людям). Важнее — стремление журналистов уверить аудиторию в достоверности сведений, наличии у них «инсайдерской» информации и сочувствующих внутри СССР — это повышало информационный и общественно-политический престиж издания.

В те же годы конституционно-электоральные проблемы советской политической динамики активно обсуждались корреспондентами и публицистами газеты «Возрождение», издававшейся в Париже конституционным демократом, масоном Юлием Фёдоровичем Семёновым. Газета претенциозно печаталась дореволюционным шрифтом, заголовки указывались на двух языках: русском и французском. Дискурс издания можно охарактеризовать как либерально-демократический: событиям в СССР в ней уделялась меньшая доля контента, нежели в «Голосе России», а акцент делался на гражданские права и свободы в СССР — точнее, на сам вопрос об их наличии.

В рамках дискуссий о советском конституционализме «Возрождение» несколько раз печатало статьи популярного в эмигрантских кругах социолога и философа Николая Сергеевича Тимашева, который считал, что «...по вопросу о гражданской свободе сталинский проект конституции не вносит ничего нового, а только фиксирует сложившееся положение...»³⁰. Констатируя сохранение в стране политической монополии ВКП(б), Н. С. Тимашев справедливо считал идеологическим манёвром «реформы» большевиков. Интересно, что десять лет спустя, после Второй мировой войны он назвал политические события в СССР 1934—1939 гг. «Великим отступлением» от Идеи коммунизма, то есть реставрацией сталинским режимом ряда дореволюционных институтов и практик³¹.

Значительное внимание журналисты «Возрождения» уделяют культурной жизни СССР — в каждом пятом из 25-ти рассмотренных номеров упоминаются достижения страны в сфере искусств — в первую очередь, кинематографа. Преобладает негативный дискурс в отношении гражданской позиции советской интеллигенции, создающей «пропагандное» искусство (вроде художественного фильма «Юность Максима», показанного в июле 1936 г. в парижском кинотеатре «Пантеон»). При этом отмечается высокий уровень развития советской культуры: «даже в таких

искаженных сценах видны режиссерский талант, чувство ритма, дар создавать порыв, движение и искусство». Отдельно отмечают достижения реализма в советском искусстве: «герои разговаривают так, как разговаривают простые люди»³². При этом логические параллели между политическим режимом и культурным развитием авторами не проводятся: дискурс-анализ такого рода сообщений позволяет судить о том, что достижения отечественной культуры эмигрантами воспринимались как результаты не благодаря, а вопреки сталинизму.

Особое место в системе эмигрантских взглядов на советские политические реалии занимает газета «Младоросское слово», выходившая в бразильском Сан-Паулу. Националистическое движение реформаторов-младороссов не питало иллюзий относительно кризисов и преступлений сталинизма: немало материалов газеты посвящено репрессиям, трениям в Политбюро и «провалу стахановской системы»³³. В то же время, младороссы считали, что достижений СССР становится всё «больше и больше», чем недостатков, а значит, успехи страны в экономике, науке и культуре следует поддерживать³⁴.

По мнению публициста К. Рошковского, «борьба идет между старым и новым миром»: в ней врагами младороссов (то есть «истинных реформаторов России и русских») виделись не только «старобольшевики во главе со Сталиным», но и «осколки сломанного русского демлиберализма — старо-эмигранты»³⁵. Как и «Голос России», «Младоросское слово» критиковало своих оппонентов среди эмигрантов жестче и масштабнее, чем большевиков и сочувствующих им советских интеллигентов. Распространение получил следующий дискурс: советская интеллигенция не имеет возможностей для политической борьбы, но способствует «практическому усовершенствованию России»³⁶. А значит, «идеологическое воспитание» России возложено на младороссов. Корреспонденты «Младоросского слова» неоднократно подчеркивают большое количество сочувствующих им среди технической интеллигенции Москвы и Ленинграда³⁷.

В отличие от ранее рассмотренных изданий, «Младоросское слово» значительное внимание уделяет состоянию религии и положению верующих в СССР. Несколько статей посвящено беспомощности коммунистических агитаторов в атеистической пропаганде, а также просветительской роли церкви: якобы

в западносибирском селе Бельское активисты приходского совета создали собственную библиотеку, читальню и даже обзавелись бильярдом³⁸. Достоверность этих сведений, безусловно, дискуссионна, однако в ходе подготовки к выборам в Верховный Совет СССР функционеры из Новосибирской области сообщали в информационных письмах для ВЦИК о том, что «церковники» собирались для «читки антисоветских книг»³⁹ — так что прецеденты, вероятно, имели место. Более же значимо внимание авторов национально ориентированного издания к религии как к альтернативе большевистской идеологии.

Бесспорно, сами, будучи интеллигентами, авторы «Младороссийского слова» делали ставку в идейной работе на интеллигенцию, которая «одна работает и многое понимает». Обширный материал газеты был посвящён аргументации в пользу отказа от разделения русскоязычных людей по принципу обладания «эмигрантской картой» или советским паспортом: ведь «с иностранной картой один генерал похищает другого, с иностранной картой заматает Россию снегом певица, с иностранной картой товарищ чекистов становится товарищем «штабс-капитанов». С советской картой русские люди завоевывают полюс, с той же картой укрепляют страну, отстаивают границы, строят и создают по мере своих сил, по мере своих возможностей, вопреки чуждой власти и её бесхозяйственности»⁴⁰. Дискурс практической пользы Родине становится определяющим в идентичностном позиционировании интеллигентов по принципу «свой» или «чужой».

Заключение

Французский ученый М. Фуко писал о всепроникающем характере власти в обществах модерна⁴¹. Эмигрантская пресса — один из примеров тому: не обладая реальной иерархичной системой власти и подчинения, русскоязычные эмигранты формировали и поддерживали значительные группы целевой аудитории, транслируя свои идеи через сетевые, часто хрупкие структуры печатных органов, «кочующих» издательств и корпораций авторов. Корреспонденты и публицисты обладали одной из базовых черт интеллигентов — ощущением сопричастности к миру политики в далекой и во многом ставшей для них враждебной, но все-таки родной стране. События в ней, их смыслы и последствия

эмигрантская интеллигенция рефлексировала по мере своих информационных возможностей и под влиянием собственных политико-мировоззренческих взглядов.

Сталинская «революция сверху» существенно активизировала публицистическую работу социалистов-эмигрантов: практики реального, а не умозрительного социализма вызывали у них одновременно и интерес, и разочарование, и желание прокомментировать ситуацию. Подобные эмоции, выразившиеся в печатных текстах, возникли среди либералов, консерваторов и национально ориентированных реформистов в ходе иллюзорных политических преобразований второй половины 1930-х гг.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о высокой степени информированности и заинтересованности эмигрантских авторов и издателей периодической печати, о тесной связи базовых идеологических установок с характером, объёмом и динамикой контента периодических изданий. Очевидно, что разные группы эмигрантов создали и использовали образы-конструкты событий в СССР для того, чтобы решать свои текущие информационные, организационные и экзистенциальные задачи, сводившиеся во многом к тому, чтобы просто выжить в эмигрантском сообществе — ограниченном в ресурсах и при этом идейно мобилизованном. Как аналитические успехи, так и наивные заблуждения эмигрантов относительно судеб Родины, её народа в целом и интеллигенции в частности в целом формировали картину мира, в рамках которой существовали значительные социальные общности Русской эмиграции.

Примечания

¹ Полян П. М. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и её регионы в XX веке: территория — расселение — миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М., 2005. С. 493—519.

² Почетцов Г. Г. Теория коммуникации. М., 2001. С. 7—15, 29—30.

³ Дэвид-Фокс М. Пересекая границы: модернность, идеология и культура в России и Советском Союзе / пер. с англ. Т. Пирусской. М., 2020. С. 37—39.

⁴ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. А. Качалова. М., 2015. С. 11—26.

⁵ Рынков В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. № 3. С. 44—50.

- ⁶ *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс / пер. с исп. А. Гелескул. М., 2002. С. 22.
- ⁷ *Хоффман Д.* Вращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914—1939 / пер. с англ. А. Терещенко. М., 2018. С. 280.
- ⁸ *Деррида Ж.* О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. М., 2000.
- ⁹ *Хейфец М.* «Социалистический вестник» и «социалистическая» страна // Евреи в культуре русского зарубежья: сб. ст., публикаций, мемуаров и эссе / сост. М. Пархомовский. Иерусалим: Б.и., 1992. Вып. 1. С. 203.
- ¹⁰ Подробнее об этом: *Данилов В. П.* Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861—2001) // Россия в XX веке: Реформы и революции: в 2 т. М., 2002. Т. 1. С. 20—37; *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х гг.) М., 1994; *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня / пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М., 2001; *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / пер. с англ. А. В. Бардина. М., 2010; Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание, 1927—1939 гг.: документы и материалы: в 5 т. / ред. совет: В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола и др. Т. 2: Ноябрь 1929 — декабрь 1930 г. / сост.: Н. Ивницкий (отв.) и др. М., 2000; Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. 1918—1939: документы и материалы: в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т. 3: 1930—1934 гг. Кн. 1. М., 2003.
- ¹¹ Подробнее об этом: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М., 2008; *Filtzer D.* Stalinism and the Working Class in the 1930s // *Politics, Society and Stalinism* / ed. J. Channon. L., 1998. P. 163—184; *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма / пер. с англ. И. Кузнецова, А. Маркевича. 2-е изд. М., 2008.
- ¹² Подобные идеи сегодня развивает А. Гетти. См.: *Гетти А.* Практика сталинизма: Большевики, бояре и неумирающая традиция / пер. с англ. Л. Ю. Пантиной. М., 2016.
- ¹³ *Доманевская О.* Судьбы коллективизации // Социалистический вестник. Берлин, 1930. № 14. С. 2—6.
- ¹⁴ *Югов А.* Вредители и пятилетка // Социалистический вестник. Берлин, 1930. № 24. С. 3—5.
- ¹⁵ *Доманевская О.* «ЦК безгрешен» // Социалистический вестник. Берлин, 1930. № 12. С. 7—9.
- ¹⁶ *Малыхин К. Г.* «Великий перелом» начала 1930-х гг. в СССР и Российская социал-демократия: оценки и прогнозы // Новое прошлое. 2017. № 2. С. 151—164.

- ¹⁷ *Малиа М.* Советская трагедия: История социализма в России. 1917—1991 / пер. с англ. А. В. Юрасовского и А. В. Юрасовской. М., 2002. С. 251—255.
- ¹⁸ *Velikanova O.* Mass Political Culture under Stalinism. Popular Discussion of the Soviet Constitution of 1936. Denton, 2018. P. 35.
- ¹⁹ *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 33, 167.
- ²⁰ Правда. 1936. 13 июня.
- ²¹ Новая конституция // Голос России. 1936. 18 июня. С. 7.
- ²² *Хлевнюк О. В.* Хозяин... С. 170.
- ²³ Новая конституция // Голос России. 1936. 18 июня. С. 7.
- ²⁴ См.: *Левитский В. М.* Чему нас учат «Тресты» и лже оборонцы // Голос России. 1936. 25 июня. С. 7.
- ²⁵ Подсчитано по материалам 52 номеров газеты.
- ²⁶ На БАМе // Голос России. 1936. 2 июля. С. 7—8.
- ²⁷ Конституция // Голос России. 1936. 16 июля. С. 3.
- ²⁸ Статьи такого содержания встретились в четырёх из 52-х проанализированных номеров газеты.
- ²⁹ Мечты о зарубежной жизни // Голос России. 1936. 2 июля. С. 7.
- ³⁰ *Тимашев Н. С.* Очерки сталинской Конституции. Свободы // Возрождение. 1936. 18 июля. С. 4.
- ³¹ *Timasheff N.* The Great Retreat. N. Y., 1946.
- ³² «Юность Максима». Советский пропагандный фильм в кино «Пантеон» // Возрождение. 1936. 18 июля. С. 7.
- ³³ Провал стахановской системы в России // Младоросское слово. 1938. 7 января. С. 1.
- ³⁴ *Рошковский К.* Борьба старого мира с новым миром // Младоросское слово. 1938. 7 января. С. 4—5.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Бурнашев А.* Ловись — карасики! // Младоросское слово. 1938. 28 января. С. 1.
- ³⁷ *Рошковский К.* Борьба старого мира с новым миром // Младоросское слово. 1938. 7 января. С. 4—5.
- ³⁸ Религиозное движение // Младоросское слово. 1938. 14 января. С. 4—5.
- ³⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р7522. Оп. 1. Д. 40. Л. 61.
- ⁴⁰ *Бурнашев А.* Ловись — карасики! // Младоросское слово. 1938. 28 января. С. 1.
- ⁴¹ *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М., 2019. С. 99.